

**МИХАИЛОВСКОЕ В ПЕРЕПИСКЕ РОДИТЕЛЕЙ
А. С. ПУШКИНА С ИХ ДОЧЕРЬЮ О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ
В 1828—1835 гг.**

В основу данной публикации положена коллекция писем Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери (сестре поэта) Ольге Сергеевне Павлищевой. Сын последней Лев Николаевич Павлищев в свое время передал эти письма Дашкову. В настоящее время эта коллекция, представляющая собою 119 писем, написанных на листках почтовой бумаги разного формата и сшитых в одну толстую пачку, находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома в составе т. н. «коллекции Дашкова» (ПД ф. 244 оп. 20 № 29). Все письма написаны по-французски с отдельными русскими словами. Бисерный почерк Надежды Осиповны чередуется с размашистым, слегка напоминающим почерк А. С. Пушкина, почерком Сергея Львовича. Большею частью первой, более подробно, пишет Надежда Осиповна, затем следует более короткая приписка Сергея Львовича, иногда случается и наоборот. Бумага потемнела от времени, чернила значительно выцвели, встречаются и порванные места, но все же письма легко читаются.

Эта коллекция давно уже привлекала к себе внимание исследователей. Еще в конце прошлого века часть этих писем легла в основу «Воспоминаний» Л. Н. Павлищева («Семейная хроника. Воспоминания об А. С. Пушкине» М., 1890). Последний использовал их, как уже не раз указывали пушкиноведы, более чем вольно: он счел возможным часто заменять точную публикацию вольным пересказом, публиковать монтажи из нескольких писем, нигде этого не оговаривая, заменять рассуждения диалогом и даже попросту вставлять в середину настоящего письма придуманные им куски. Некоторые письма были им же опубликованы в 1911 г. на французском языке в изда-

нии «Пушкин и его современники» (вып. XIV, стр. 12—28). Несколько писем было использовано Н. В. Измайловым в его работе «Пушкин и Катков» (Л., 1927). Первой ввела целиком эту коллекцию в научный оборот В. Враская в своей работе «Пушкин в переписке его родственников», опубликованной в «Литературном наследстве» т. 16—18 (М., 1934, стр. 771—803). В этой работе она, предварительно описав коллекцию, публикует ряд небольших отрывков из этих писем, говорящих о Пушкине, о его семье, о наиболее интересных его современниках. В целом же из 119 писем так или иначе было использовано исследователями всего 64 письма, а 55 писем никогда не были опубликованы.

Не так давно правнучка О. С. Павлицевой Л. Л. Слонимская (внучка старшей дочери О. С. Павлицевой Надежды) тщательно перевела все письма на русский язык и снабдила их обширным комментарием. В нем она дала сведения о всех упоминавшихся в письмах лицах (некоторые из них ранее совсем не были известны) и о многих событиях в жизни семьи Пушкиных и их окружающих. В начале подборки писем за каждый год имеется краткая сводка основных событий в жизни семьи Пушкина за данный год.

Таким образом, данное собрание писем было ею полностью подготовлено к печати. Машинописная рукопись, составляющая 835 машинописных листов, была передана ею в Рукописный отдел Пушкинского дома на предмет изучения и последующего опубликования.

Другой экземпляр рукописи был ею отослан в Пушкинский заповедник и после прочтения его сотрудниками возвращен ей. С обзором нескольких писем из этой коллекции выступал в Заповеднике на августовских «Пушкинских чтениях» директор Заповедника Гейченко С. С. Однако, недавняя кончина Л. Л. Слонимской остановила всю эту работу. Насколько мне известно, в ближайшее время Пушкинский Дом не собирается опубликовывать эту рукопись. Она так и осталась в Рукописном отделе, но благодаря труду Л. Л. Слонимской, эта коллекция писем стала гораздо более обозримой и значительно более доступной для исследователя.

Данная публикация является попыткой краткого обзора той части указанной коллекции, в переводе Слонимской, где говорится о Михайловском, о пребывании там родителей поэта и о дворянском быте того времени.

Еще в 1834 г. В. Враская в указанной выше работе писала, что полная публикация коллекции... «не имела бы большого смысла. Опубликованные целиком эти письма, — говорит она, — могли бы представить некоторый интерес с точки зрения содержащегося в них бытового материала, иногда впрочем несколько однообразного, и послужить для характеристики

обоих авторов — стариков Пушкиных, но не больше». Далее она указывает, что интересные места в этих письмах «... рассеяны среди длинных рассказов о мелочах повседневной жизни, среди рассуждений о домашних и хозяйственных заботах, среди пространных рассказов о здоровье и погоде»¹. Однако, сейчас, через 22 года, когда уже нам важна всякая деталь, связанная с именем поэта, даже такие мелочи в этой переписке должны заинтересовать нас.

В период времени, о котором идет речь, т. е. 1828—1835 гг., родители А. С. Пушкина почти каждое лето (кроме холерного 1831 года и 1835-го, когда Н. О. Пушкина была безнадежно больна) проводили в Михайловском. Выезжали они туда, как правило, в июне — июле и обычно задерживались там до глубокой осени, до ноября и даже до декабря. Большинство писем из разбираемой коллекции написано ими из Михайловского в то время, когда Ольга Сергеевна оставалась в Петербурге или проводила лето в Павловске, а с 1832-го года жила в Варшаве. Понятно поэтому, что во многих письмах идет речь об интересующих нас вопросах.

Все письма родителей Пушкина из Михайловского проникнуты горячей, искренней любовью к Михайловскому, которое они называют своим «последним утешением». Нигде они не чувствуют себя так хорошо, свободно и легко, как там. При наступлении весны их всегда туда влечет.

Уже в марте — апреле обычно начинались сборы в Михайловское, ожидание лошадей, поиски денег на отъезд. 27 апреля 1833 г. Надежда Осиповна пишет о своем желании как можно скорее выехать в Михайловское, «...но как это сделать, — продолжает она, — когда надо устроить дела, ждать лошадей из деревни, отправить людей»². Рано выехать им никогда не удавалось. Обычно их выезд задерживался из-за того, что вовремя не высылали им из Михайловского лошадей (в городе их содержать было слишком дорого), обычно в последнюю минуту обнаруживалась какая-нибудь неисправность в экипаже и т. д. Главное же, всегда не хватало денег на отъезд. То же повторялось и осенью с отъездом в город, поэтому и задерживались они так поздно в Михайловском. Каждый год, весной и осенью, их письма пестрят жалобами на эти задержки. 17 июня 1833 г. Сергей Львович пишет: «...сегодня утром пришли лошади, но коляска требует кое-какой починки. Я так тороплюсь покинуть Петербург, что и несколько дней

---

¹ «Литературное наследство» т. 16—18. М., «Журнально-газетное объединение», 1943, стр. 772.

² Все выдержки из писем С. Л. и Н. О. Пушкиных цитируются по указанному переводу Л. Л. Слонимской, находящемся в рукописном отделе ИРЛИ.

отсрочки меня досаждают. Экипажи так запоздали прибытием, что у нас было время съесть деньги, предназначенные на дорогу и т. д. и т. д.». На следующий 1834-й год повторяется то же самое. «Мы ждем лошадей, это вечная история, как тебе известно, — пишет Надежда Осиповна 2 мая 1834 г. А. С. Пушкин, который, как известно, сам испытывал материальные затруднения, часто должен был помогать родителям деньгами, чтобы они смогли выехать. 8 июня т. г. Надежда Осиповна пишет: «Это от Александра зависит наш отъезд, все готово, кроме денег, которые он хочет дать нам на дорогу». ;

Оказавшись наконец в Михайловском, родители поэта с огромной любовью неоднократно пишут о его природе, о его красотах, и, чувствуется, что они искренне всем этим наслаждаются. 17 июня 1834 г. Сергей Львович пишет: «Я рад, что нахожусь в нашем домике и гуляю по нашим садам, которые истинно очень красивы». Даже глубокой осенью, когда уже листья облетели, а настоящего снежного покрова еще нет, и Михайловское обычно бывает менее красиво, чем в другое время, Сергей Львович находил в нем своеобразную прелесть. 22 октября 1834 г. он пишет: «Дорожки различаются лишь по снегу, который их покрывает, прочее все покрыто сухими листьями. Вид сада не весел, но я его люблю и таким». Летом 1829 г. в Михайловском производился большой ремонт и старики Пушкины вынуждены были жить в Тригорском. Вскоре после приезда 5 июля 1829 г. Надежда Осиповна пишет, что они «два раза ходили пешком в Михайловское, где мы провели весь день в саду, который все разрастается и украшается, ты прямо не имеешь представления, как он хорош». В письме от 12/VIII т. г. она сравнивает Михайловское и Тригорское: «Нам здесь очень хорошо, т. е. не надо бояться ни ветра, ни сырости, но дом так велик и потом вид пруда так печален, когда идет дождь! Какая разница с нашим Михайловским! С тех пор, что я здесь, я научилась его ценить».

Лето 1835 года из-за болезни Надежды Осиповны родители поэта проводили в Павловске. А. С. Пушкин хлопотал в это время о разрешении выехать на три года в деревню. Сложные отношения поэта с родителями хорошо известны. Естественно, что жить вместе в Михайловском ни той, ни другой стороне не хотелось. По этому поводу 19 июня 1835 г. Сергей Львович пишет: «Александр на три года едет в деревню, сам не зная куда. Как я надеюсь, что мы сможем, если бог даст нам жизнь, поехать на будущий год в Михайловское, то нам нельзя его уступить Александру на все время. Лишиться этого последнего утешения вовсе не входит в наш расчет»³.

---

³ Этот отрывок, единственный из всех приведенных в данной работе, опубликован В. Враской (см. указанное изд., стр. 793).

Родители поэта не только умозрительно любили Михайловское. Они проявляли большую заботу об этом имении, прилагали большие старания, чтобы сделать его красивее и лучше. Именно с этой целью в 1829 году был в доме предпринят ремонт. Все письма Сергея Львовича этого лета полны описанием хода ремонта. Он сам ежедневно ездит верхом два раза в день в Михайловское наблюдать за работами, (а ведь ему было уже под шестьдесят). «В первый момент неизбежный беспорядок деревенского дома, где строятся и где все вверх дном, привел меня в уныние, но сегодня поутру все приняло иной вид. Я нашел сад хорошо содержащимся, и дом через некоторое время будет обитаем и даже приятен... Михайловское еще украсится... я только и буду ездить взад и вперед и наблюдать работы и в этом есть своя приятность», — говорит он в письме 29 июня 1829 года. 5 июля т. г. сообщает: «Надеюсь, что в нашем доме можно будет жить. Он останется почти совсем как был, не считая кое-каких лишних украшений, которые придадут ему более приятную внешность. У него была изрядно потрепанная физиономия, теперь он будет, как дача на Черной речке». Отсюда можно представить себе, в каких же условиях жил Пушкин в ссылке, если дом в 1829 году был таким «потрепанным». Значит, при Пушкине он был скромнее, обветшалее, чем изображен на литографии 1837 года.

Особенно большую заботу проявляет Сергей Львович о саде и парке. Он сам руководит прокладкой аллеи и дорожек, посадкой цветов и деревьев, тщательно заботится об уходе за парком и цветниками. Когда в 1830 г. Ольга Сергеевна уехала в Михайловское раньше родителей, он писал ей из Петербурга 19 июля 1830 года: «Прошу тебя, когда будешь гулять по саду, принимай насупротив Архипа (садовника) вид строгой хозяйки (если увидишь к тому повод) и наказывай ему, чтоб он заботился о дорожках и цветах». А в 1833 году 4 июля и также 17 июня 1834 года он сообщает: «Сад очень хорошо содержится. Что я посадил все пошло в рост... Все что я посадил принялось, и новые дорожки, которые я провел, хорошо ухожены и весьма приятны».

Хорошо содержался в Михайловском фруктовый сад, дававший в иные годы неплохой урожай. Об этом не раз пишет Надежда Осиповна. Так, 3 августа 1829 года она сообщает, что ходит из Тригорского в Михайловское варить варенье. «Плодов множество, я уж не придумаю, что делать с вишнями, в нынешнем году много также будет белых слив». Очевидно, была в Михайловском и оранжерея, так как Надежда Осиповна 23 июля 1834 года пишет: «У нас в Михайловском очень хорошие дыни и всякий раз, как я их ем, я думаю о тебе, ты их любишь, мне приятно было бы есть их с тобой. Сад наш прелестен, много цветов и три цветника, изобилие цветов на бал-

коне и в комнатах, когда смотрю на все это, я вздыхаю о тебе, мой друг».

В мае 1835 года А. С. Пушкин съездил на два дня в Михайловское. По приезде он рассказал родителям, что там за время их отсутствия многое было разорено в саду, многое пришло в запустение. Сергей Львович с горечью пишет 17 мая 1835 года из Петербурга: «Печальные новости рассказал он нам о Михайловском. Люди грабят и творят ужасы. Ты знаешь, как я берег и, смею сказать, украсил сад и все окрестности дома. Я велел также заново отстроить службы, а ныне... (следует многозначительное многоточие. Сергей Львович не считал нужным сообщить конкретно, какие же «ужасы» творили крепостные в Михайловском) ...этот беспорядок весьма нас огорчает и не побуждает нас ехать туда этим летом».

Отсюда видно, что не совсем точно представление о родителях поэта, как о совсем беспомощных в хозяйственном отношении, беспечных сибаритах. Конечно, вся эта деятельность в основном сводилась лишь к украшению имения, а не к укреплению его в экономическом отношении. В то же время, как известно, имение находилось экономически в крайне запущенном состоянии. Да и личный быт стариков Пушкиных в Михайловском не был достаточно устроен. Отстроенный заново дом был совершенно не пригоден для проживания в нем зимой. 7/XI 1834 г. Надежда Осиповна пишет: «У нас зима, но не знаю, когда мы сможем уехать. Однако я жду этого с нетерпением, не для того, чтобы веселиться в столице, но чтобы защититься от холода: вообрази, здесь у нас совсем нет двойных рам». По садам Михайловского и Тригорского даже летом разгуливали тогда волки, бегали бешеные собаки. 29/VIII 1829 г. Надежда Осиповна пишет: «...у нас волки и собака бешеная...» 28/XI 1834 Сергей Львович опять пишет о волках: «Я гуляю по саду не без опасения повстречать волка». Ни в одном из писем нет даже намека на какие-то доходы, полученные от имения. В то же время в отношении Болдина, в этих же письмах, родители поэта часто об этом пишут. Очевидно, старики Пушкины примирились с тем, что Михайловское не давало им никакого дохода, а было лишь любимым местом отдыха — дачей. Поневоле вспоминаешь здесь строки из письма мужа Ольги Сергеевны Н. И. Павлицева к А. С. Пушкину от 11/VIII 1836 г.: «Оно (Михайловское) в моих руках будет кусок хлеба — а в ваших, простите откровенности, дача, игрушка...»⁴.

Материальное положение родителей поэта хорошо известно. Все их письма полны жалобами на недостаток денег, горькими сетованиями на невозможность помочь Ольге Сергеевне и Льву Сергеевичу, на стесненные материальные обстоятель-

⁴ Пушкин А. С. ПСС т. 16, стр. 145.

ства. Однако жизнь в Михайловском на всем готовом была намного дешевле, чем где бы то ни было, что тоже было одной из причин, кроме искренней любви к этому месту, заставляющей их туда ездить. Так, 27/IV 1835 г. Надежда Осиповна пишет: «Хочешь, не хочешь, а надо ехать в Михайловское, средства наши не позволяют нам поступить иначе».

Как же проводят свое время старики Пушкины в Михайловском? Чаще всего они пишут о прогулках. Они ходят пешком в Тригорское, иногда и в Святые Горы. Часто они весь день проводят в Михайловском саду, обедают, пьют чай на воздухе. Прогулки доставляли им большую радость. Кроме того, Надежда Осиповна, по примеру всех тогдашних дам, много вышивает, вяжет что-то для Святогорского монастыря, причем ее работы вызывают восхищение соседок. 16/VII 1829 года Надежда Осиповна жалуется на жару, которая мешает прогулкам: «Хотя я рано встаю, всегда не позже 7 часов — раз я встала в 4, — погулять нет возможности из-за жары, наши прогулки совершаются всегда по вечерам, а весь день я сижу перед домом, работая по канве... у нас нет недостатка в гостях... Я до сих пор не тронулась с места, мои странствия начнутся в августе». Много раз Надежда Осиповна иронизирует над соседями, ведущими неподвижный образ жизни, играющими целый день в вист, вместо того, чтобы гулять. 9/IX 1834 г. она пишет: «...я много хожу и не устаю, не то, что с Прасковьей Александровной: она двигается как черепаха и с нею я не могу сделать и шагу. Да и вообще наши соседки не умеют ходить».

В церковные праздники и во время ярмарок Надежда Осиповна и Сергей Львович посещали Святогорский монастырь большей частью вместе с компанией своих соседей. В первом из этой коллекции письме от 5/IX 1828 г. Надежда Осиповна пишет: «После завтра мы совершим паломничество в Святые Горы. С нашими гостями нас будет человек 14, мы пойдем пешком, если погода будет такая же чудесная, как ныне...».

17 июня 1834 г. она рассказывает о предстоящей ярмарке: «...в этом году она будет 22-го. Есть уже купцы из Москвы, из Симбирска, из Нижнего. Ярмарка предстоит великолепная, погода превосходная».

Очень странно для семьи, где всегда господствовала поэтическая атмосфера, где так увлекались литературой и искусством, что в данных письмах сравнительно мало говорится о чтении, о книгах. Много раз жалуется Сергей Львович на отсутствие газет в Михайловском, «хотя бы обрывки газеты». Только после замужества Е. Н. Вульф в 1831 году ее муж Б. А. Вревский стал снабжать стариков Пушкиных книгами и газетами.

22/X 1834 г. Сергей Львович сообщает: «Вревский продол-

жают давать нам книги как и газеты и заграничное обозрение. Последнее время и теперь я читаю мемуары Байрона, писанные Муром. Надо признаться, что этот гений много мелочного имел в характере и, случалось, вел себя как сущий пьяница, каким он и был. Дабы примириться с ним мне нужно было его перечитать. Как поэта я его люблю, но как человека... ни мало. Я для этого не достаточно цивилизован». Это письмо Сергея Львовича как бы перекликается с тем, что говорил А. С. Пушкин об уничтожении записок Байрона и об интересе заурядных людей к слабостям великого человека.

Больше всего места в письмах родителей поэта занимает описание бесконечных поездок в гости, визитов соседей, родственников, рассказы о всевозможных мелочах их жизни. В этом пестром калейдоскопе имен и различных происшествий много скучных, ничего не значащих для нас подробностей. Однако именно эта часть данных писем дает возможность полнее представить себе дворянский быт того времени, то помещичье окружение, в котором находился в Михайловском и сам поэт во время своей ссылки.

Многих из этих помещиков, окружавших их в Михайловском, родители поэта описывают с большим сарказмом. Их ядовитые, точные характеристики дают возможность ярко представить себе живых прототипов героев «деревенских» глав «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Повестей Белкина» и т. д. Очень о немногих пишут они с уважением и участием. Это прежде всего обитатели Тригорского, о которых речь будет впереди, три сестры, девицы Тимофеевы, Татьяна, Наталья и Мария, живущие за 8 верст от Михайловского, с которыми очень подружилась Надежда Осиповна, но о которых по другим источникам ничего узнать пока не удалось, а также многочисленным кузины и кузены Надежды Осиповны — дети и внуки Исаака Абрамовича Ганнибала-Ганнибалы, Дельфины, Глаубичи, Меландеры и др.

В июле 1829 г. сестры Тимофеевы впервые приехали в Михайловское. С этого времени Надежда Осиповна часто пишет о них с большой теплотой. Именно у них, а не у В. П. Ганнибала (как неправильно указывает Павлищев) была горничная, знавшая наизусть «Бахчисарайский фонтан» и комически декламировавшая отрывок из «Евгения Онегина». В своем письме от 29/VIII 1829 г. Сергей Львович пишет об этом гораздо проще и лаконичнее, чем это передано Л. Н. Павлищевым, попытавшимся по-своему «разукрасить» это письмо⁵: «У барышень Тимофеевых, — говорит Сергей Львович, — есть нечто вроде горничной. Она дочь пастуха (не Аркадского, но пастуха Опочецкого уезда, который пасет свиней). Ей лет 14 или 15,

---

⁵ Ср.: Павлищев Л. Н. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, стр. 126.

толстая коротышка, плечи вздернутые, квадратные, а физиономия дикая, как у всех девок, делающих грубую работу. Она знает наизусть почти весь «Бахчисарайский фонтан» и читает стихи Александра, жестикулируя при этом самым комическим образом. Сложенная, как я говорю, она произносит отрывок из «Онегина», где он говорит об Истоминой, и бьет нога об ногу, а ноги в пол-аршина в длину и столько же в ширину — можешь вообразить, что это такое». Один раз, 24/VIII 1834 г. Надежда Осиповна пишет об А. П. Керн, с которой Ольга Сергеевна дружила до самой смерти: «Бедная госпожа Керн только что потеряла свою маленькую Оленьку... то, что может ее утешить, так это смерть ее мужа».

Во многих письмах родители поэта говорят о том, как они не любят выезжать, как им надоедают гости, но трудно сказать, были ли эти жалобы искренними или просто данью моды. «Визиты у нас начнутся в будущем месяце, я люблю их принимать, но не люблю отдавать. Мне хватает моих прогулок в Михайловском», — пишет Надежда Осиповна 23/VII 1829 г., а через месяц, 29/VIII т. г. Сергей Львович жалуется, что должен ехать к Россихину: «Еще в прошлом году я не отдал ему визита, а здесь на этот счет так взыскательны. Как быть? Что прикажешь с этим делать? Это мой припев, как тебе известно. Тут же Сергей Львович дает не лишние юмора характеристики некоторых помещиков: «Г-жа Елагина весьма разговорчива, жестикулирует, кричит во все горло, игру любит неистово, впрочем очень ласковая; ее падчерица м-ль Елагина, барышня, воспитанная в монастыре, толстая, курносая, говорит очень мало, разодета с 9 часов утра: платье цвета золота, рукава белого муслина и причесана с большим тщанием».

Очень часто, несмотря на ироническое к ним отношение, встречались родители поэта со своими соседями: Рокотовыми, Шушериными, Шелгуновыми, Россихиными и т. д. «Я была у Шушу (так Пушкины называли Шушериных), где скучала так, что хоть язык проглоти, и от зевоты чуть не свернула себе челюсть», — пишет Надежда Осиповна 23/VII 1833 г. Однажды старики Пушкины провели два дня в имении Шушериных Ругодеве. Вот как описывает это Надежда Осиповна в письме от 29/VIII 1829 г.: «Хотя погода была великолепная, никто не подумал о прогулке. Мужчины в полдень отправились карабкаться по горам, с целью добраться до обсерватории (Недалеко была линия первого в России оптического телеграфа между Петербургом и Варшавой. Прим. Л. Слонимской), а мы — прочие злополучные — остались на целый день играть в вист. Хотя я и люблю играть, но не до такой степени игрок, чтобы посвятить все свое время глядению в карты, на то есть вечера, к тому же, когда погода хорошая, я люблю ходить. «9/IX т. г., после визита к Россихиным, Надежда Осиповна пишет: «Ты знаешь, в деревне одно дело: объедаться».

У Россихиных только этим и занимаются; без госпожи Суморотской я бы соскучилась до смерти».

Особенно много гостей собиралось у соседних помещиков во время Святогорских ярмарок. «У Шелгуновых к обеду было пятьдесят человек, считая детей. Это хороший сюжет для фламандской картины», — пишет Сергей Львович 24/VI 1834 г.

В 1833 г. все окрестные помещики особенно увлекались танцами и наперебой нанимали учителей танцев. 27/IX 1833 г. Надежда Осиповна пишет: «Знаешь ты, что в нашей округе помешались на танцах...», а Сергей Львович в приписке к этому же письму рассказывает об учителе, нанятом Шелгуновыми: «Он один танцует балетные антре, разные соло, венгерки и матлоты под бурные аплодисменты всего общества. Это так смешно, что можно лопнуть от смеху, как бы мало к этому был расположен. Кроме того он горланит итальянские арии, гадает — это он делал в Петербурге за деньги — и в довершение своих достоинств как наставника — не знает ни одного языка — со всем тем одежда денди и раскланивается, выделявая менуэтные па. Самое удивительное, что все семейство видит, что он всего лишь канатный плясун, и держит его. Г-н Шелгунов в восторге, что имеет у себя на жалованьи так называемого француза». Как тут не вспомнить месье Трике из «Евгения Онегина»!

Много гостей принимают старики Пушкины у себя. В первом из данной коллекции письме от 5/IX 1828 г. Сергей Львович рассказывает о том, что после многочисленных поездок его и Надежды Осиповны по гостям вся компания в количестве 12 человек явилась в Михайловское и им пришлось ночевать в бане, уступив дом гостям.

Чаще всего бывает у них Рокотов, который, появляясь в самое неподходящее время, раздражает их своей болтовней, своей манерой беспрерывно повторять по-французки: «простите мою откровенность». «Рокотов оставался весь день и болтовней своей помешал мне писать, я еще от него не опомнилась», — пишет Надежда Осиповна 20/VIII 1829 г., а 8/XII 1834 г., накануне отъезда из Михайловского, она жалуется на то, как он им мешал собираться в дорогу: «Вообрази, Рокотов у нас со вчерашнего вечера. Не в пору гость хуже татарина, он только и делает, что мелет вздор и мешает нам отдавать приказания и заниматься делами, которых множество».

«Все эти дни у нас были гости, — рассказывает Сергей Львович 24/X 1832 г. — г-н и г-жа Шушеринны с некоей девицей Змеевой и г-н Ланской ночевали у нас две ночи. Г-н Шушерин, как и в былые времена, изображает больного и задавал мне прелестные вопросы. М-ль Змеева прославилась двумя или тремя приключениями, как говорят злые языки. В самый день их отъезда нагрязнул Рокотов. Он совершил палом-

ничество в монастырь и приехал отдохнуть в Михайловское. Он был весел и к моему великому удивлению в 24 часа, помноженные на два, лишь два раза сказал «Простите мою откровенность». Не возвещает ли это великой перемены?». Особенно досаждают старикам Пушкиным манера Шушериных привозить с собой целую компанию совершенно незнакомых и неприятных им людей, которых они должны были угощать, устраивать на ночлег и т. д.

На это они жалуются часто: например, 24/VIII 1833 г. Сергей Львович, который в то время был в Михайловском один, пишет: «Я был раздосадован приездом Шушериных. Вообрази, дорогая Оленька, что несчастье это обрушилось на меня в ту минуту, как я собирался сесть за совсем скромный обед, приготовленный в половине третьего на меня одного, и не довольствуясь тем, что приехали на десяти лошадях, они привозят мне г-на Ланского и еще какого-то неуча, которого я никогда не видал и которого они называют г-ном Дельфиним. Все это у меня ночует и, к счастью, на другое утро уезжает в восемь часов утра — я был на ногах с пяти!».

Особенно много народу собиралось в Михайловском в дни рождения и именин Надежды Осиповны, а также во время Святогорских ярмарок. «В четверг рождение мамá, а в пятницу день ярмарки, я никогда не бывал здесь в это время, — пишет Сергей Львович 17/VI 1834 г. — единственное, что меня удручает — это предстоящий наплыв соседей. У нас нет способа принять их так, как они это понимают». 7/IX 1834 г. Надежда Осиповна сетует: «17-го (17/IX — день именин Н. О.) у нас будет множество гостей, есть люди, которых мне очень приятно видеть, других я с удовольствием выпроводила бы — вот неудобства деревенской жизни. И все этот кривоногий Шушерин, у которого мания являться со всеми своими друзьями, родственниками и знакомыми (следует перечисление множества фамилий). Вообрази всю эту суматоху и мину, которую строит папá, и мои собственные развлечения. Одна моя надежда, что не может же погода быть всегда так хороша, а вдруг да польет дождь, грязь воспрепятствует приезду всех этих гостей, тогда я ограничусь своими ближайшими соседками и приятельницами», 27/IX т. г. следует описание этих самых именин: «У нас было много гостей, дом наш был полон, как яйцо...».

Пушкины также иной раз едко подсмеивались и над столичными нравами. 28/XII 1833 года Надежда Осиповна рассказывает об одном семействе, где все дамы и девицы «помешались на моде». «Я хочу заставить их курить табак, — продолжает она, — убедив, что в высшем свете все дамы курят. И правда, у Фикельмон они курят сигары (примечание Л. Л. Слонимской: не сигары, а сигареты). А я им скажу, что толстые трубки и вот они закричат: «Катенька! Настенька!

Анинька! Слышите: мода курить!». И Настенька скажет: «Николя! Купи трубки немедленно! И вот все эти прекрасные комнаты наполнятся дымом. Я хохочу заранее».

Для характеристики дворянских нравов приведу отрывок письма Надежды Осиповны из Петербурга от 24/VI 1833 г.: «Обедали у меня моя кузина Фурман с мужем. Ты вообразить не можешь, до чего она стала грустная и худая. Он всегда в скверном расположении, досаждаёт ей непрестанно, он даже высек ее раз, у нее по всему телу были черные пятна, он полагает, что жену можно убить, как индюшку, что муж имеет на то полное право. Не знаю, как у нее хватает духу одной оставаться с ним в деревне, в том большом доме; она плачет и не делает ни шагу. Я тоже, прощаясь с ней, лила слезы. Право, я опасуюсь, как бы он ее не убил... Анне Николаевне хотелось, чтобы при ней жила одна дама... Но он и слушать не хочет, он сказал: «Я вас обеих безменом в голову ударю, вот и будет конец».

Особое место среди их друзей и знакомых занимают в жизни родителей поэта обитатели Тригорского Осиповы — Вульф. Их с ними связывала глубокая многолетняя дружба. Во многих письмах они говорят об этой дружбе, о своем неизменном дружеском отношении к этому семейству, рассказывают об их жизни, об их радостях и горестях.

5/V 1833 года, собираясь ехать в Михайловское, Надежда Осиповна пишет: «Соседки ждут нас с нетерпением», а 14/VII т. г. она сообщает: «Мы видимся почти каждый день, твои именины мы весь день провели вместе, обедали под твоей любимой липой». 13/I 1834 года из Петербурга Надежда Осиповна сообщает: «Вчера приехала госпожа Осипова с Аннет и живут у нас. Я так рада их снова увидеть, что не расставалась с ними на на минуту».

Зимой 1835 года, уже во время болезни Надежды Осиповны, Анна Николаевна Вульф и Евпраксия Николаевна Вревская опять приезжали в Петербург и останавливались у родителей поэта. Сергей Львович повел их в театр. Е. Н. Вревская впервые в жизни видела балет. 25/I Сергей Львович пишет ...«декорации были великолепные и весьма ей понравились, но она нашла, что дамы эти чересчур высоко поднимают ноги и что юбки слишком коротки». Еще до этого 1/VIII 1834 года Сергей Львович пишет о том, как умственно развилась Е. Н. Вревская после выхода замуж: «Ефрозин так образовалась, что ты ее не узнаешь. Она очень хорошо говорит по-французки, так же пишет и много читает... превосходный человек, — как и Аннет, я бесконечно люблю обеих». Из всего этого можно заключить, что культурный уровень семейства Осиповых-Вульф был хотя и выше многих окрестных помещиков, но не так уж высок, как об этом иной раз говорят

биографы Пушкина, основываясь на обычных тогда комплиментах их друзей.

В своих письмах родители поэта рассказывают о сложных отношениях внутри семейства Осиповых-Вульф и о тяжелой скучной жизни Аннет у матери, и о странностях, которые к этому времени стали проявляться в характере и образе жизни П. А. Осиповой. «Что до Аннет, то она необыкновенная толстуха, не говоря уже про Ефросину», — пишет Надежда Осиповна 23/VIII 1834 г., а 22/IX т. г. Сергей Львович сообщает: «Аннет целует тебя и искренно любит, но она ненавидит Тригорское и это часто делает ее весьма рассеянной, — добрая свадьба не была бы для нее лишней». 21/X т. г. Надежда Осиповна опять пишет об Аннет: «...со времени замужества ее сестер она ведет очень грустный образ жизни. Все ее общество составляют младшие да старая гувернатка. Если мать ее не больна, так занята хозяйством или целыми часами говорит со старостой, после чего устает так, что еще хуже расхворается и несколько дней должна лежать в постели».

Будучи зимой 1833 года в Петербурге, Надежда Осиповна выполняет многочисленные поручения П. А. Осиповой. Это ее раздражает и утомляет, но все же она аккуратно покупает в петербургских лавках все, что просит П. А. Осипова. «Г-жа Осипова заваливает меня поручениями. Я составила реестр всему, что должна купить к праздникам, вышло 17 предметов; я совсем сбилась с ног, утра у меня все отняты, я только и делаю, что бегаю по лавкам и посылаю ящики, это невыносимо, — пишет она 21/XII 1833 г.

Характерно, что в своих письмах родители поэта ничего не говорят о простых людях, о крестьянах и дворовых. Это вполне закономерно. Хотя, живя в Михайловском, они как будто и должны были более или менее узнать их жизнь, на самом деле этот мир был страшно далек от них и непонятен им. Кроме уже приведенных выдержек из писем о горничной Тимофеевых и об «ужасах», творимых крепостными в Михайловском, только в одном письме от 6/IV 1834 г. Надежда Осиповна соглашается с предложением Павлищева «забрить лоб Петрушке», сыну приказчика Калашникова, отданного Ольге Сергеевне в услужение, а 14/XI 1834 года она мимоходом осведомляется, довольна ли Ольга Сергеевна своей горничной Грушей, и сообщает о смерти возлюбленного последней повара Егора.

Таково основное содержание тех писем данной коллекции, в которых что-то говорится о Михайловском. Хотя в этих письмах и не содержится чего-то принципиально нового, они дают возможность увидеть какие-то новые штрихи в быте Михайловского того времени и в жизни там семьи поэта.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968